

УДК 1; 008; 316,7

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Дятлов Александр Викторович

Доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: vdyatlov@yandex.ru

Попов Александр Васильевич

Доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: avpopov11@gmail.com

Сажин Петр Викторович

Кандидат социологических наук, доцент
Кубанского государственного
университета,
г. Краснодар,
e-mail: petr.sazhin@gmail.com

IDENTITY IN THE EUROPEAN UNION

Aleksandr V. Dyatlov

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: avdyatlov@yandex.ru

Aleksandr V. Popov

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: avpopov11@gmail.com

Petr V. Sazhin

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Kuban State University,
Krasnodar,
e-mail: petr.sazhin@gmail.com

В статье рассматривается переход от национальной к европейской идентичности в рамках Европейского союза. На основе работ классиков европейской мысли, таких как Б. Андерсон, Ю. Хабермас и др., проводится анализ подходов к определению национальной и европейской идентичности. Выводятся основные функции идентичности, а также авторы предпринимают попытку выделить основные маркеры идентичности, которые благоприятствуют замене национальной идентичности на европейскую для граждан ЕС и способствуют ее распространению.

The article discusses the transition from national to European identity within the European Union. Based on the works of the classics of European thought, such as B. Anderson, J. Habermas and other, the analyses of approaches to the definition of national and European identities is made. The basic functions of identity are described, the authors attempt to identify the main markers of identity that are favourable to the substitution of national identity by European among the citizens of the EU and contributed to its spread.

Ключевые слова: национальная идентичность, европейская идентичность, региональная идентичность, факторы идентичности, Европейский союз, нация, федерализм, национальная принадлежность.

Keywords: national identity, European identity, regional identity, factors of identity, the European Union, nation, federalism, national identity.

Интерес к созданию национальной идентичности граждан Европейского союза возникал еще с момента создания данного государственного образования, в связи с тем, что ЕС был задуман как проект наднационального или антинационального государства, и эта новая наднациональная идентичность должна была вытеснить прежние европейские идентичности. Однако наиболее остро вопрос о построении единой национальной европейской идентичности может быть сформулирован именно сейчас, в период активной мусульманской иммиграции в страны ЕС.

Для того чтобы понять суть проблемы становления европейской идентичности, необходимо обратиться к идентичности как таковой. В первую очередь следует отметить, что существуют различные функции идентичности, исходя из которых можно рассматривать проблему национальной идентичности.

Параллель по отношению внешних и внутренних функций, которые используют национальную идентичность, может быть продлена, если проследить степень, в которой они соотносятся с функциями европейской идентичности. Пример такой политической функции национальной идентичности, по словам Смита, – легитимизация общих юридических прав и обязательств, которые определяют специфические ценности и особенности нации. Общие европейские ценности были кодифицированы в обязательные нормы в рамках ЕС.

Интересный момент, который заслуживает того, чтобы быть отмеченным, связан с преемственностью между народными обычаями и нравами, о которых Смит утверждает, что они должны быть отражены в национальных ценностях и идентичности. С одной стороны, трудно проследить подобные параллели, открывающие общий характер европейской народной традиции в многонациональной и поликультурной Европе, которые нашли выражение в конструирующейся европейской идентичности. Такой опыт систематизации ценностей противопоставляется обилием разнообразных национальных, религиозных, этнических, культурных и других атрибутов граждан ЕС. В отличие от национальных ценностей, сообщество является не столько отражением любого унаследования общеевропейской народной практики, сколько сознательным формулированием демократических принципов.

С другой стороны, несмотря на вторичное конструирование, оно приходит на основе общеевропейского опыта. В политическом плане этот опыт возникает от постоянных войн и конфликтов Старого Света. В культурно-историческом отношении – это общее интеллектуальное наследие (традиции в области идей), образовательный и рациональный пафос и т.д. Негативный и конструктивный общий опыт определяет фундамент, из которого формируются идеи для общеевропейских ценностей. В европейской Конституции последние формулируются как демократия, равенство, верховенство права, человеческое достоинство; уважение к обществу, основанное на плюрализме; солидарность, толерантность, отсутствие дискриминации, сохранение культурного и языкового разнообразия и т.д.

Другой сегмент сравнения, но уже по отношению *внутренней функции* коллективной идентичности, проходит по оси «индивид – государство». Функция национальной идентичности относительно принадлежащих ей субъектов заключается в их социализации как граждан и представителей нации. Подобная задача свойственна и европейской идентичности, но, если при идентификации с нацией государственная власть стремится навязать конкретную однородную культуру с помощью системы обязательного всеобщего образования, официальная политика ЕС стремится реализовать принципы распознавания и сохранения культурной самобытности и уникальности отдельных наций, входящих в её состав.

В то же время следует отметить, что это – возможная точка зрения, согласно которой с помощью формализации все больших областей частной и общественных сфер Брюссель задает «свою» культуру либерального типа, которая воспринимается как универсальная, даже когда она входит в противоречие с культурными традициями религиозных или этнических общностей, представленных в каком-либо из государств – членов ЕС. В этом направлении интересны следующие наблюдения и рассуждения: «Отношение национально-европейской идентичности все ещё находится в субординационной асимметрии, вместо того чтобы взаимно обогащаться в условиях равноправного взаимодействия» [6].

Разграничения, на которых акцентирует внимание Смит в «Национальной идентичности», двух моделей национального строительства – гражданского (горизонтального, или западного) и этнического (вертикального, или восточного) – позволяют ещё более точно провести сравнительный анализ различных типов коллективной идентичности.

Прежде чем рассмотреть более подробно идеальную типологию Смита, следует отметить одно фундаментальное различие между этнической и гражданской, национальной и европейской идентичностью. Если

предмодернистские этнические связи являются основой для создания современных наций и национальных государств, то в ЕС уже думают о создании, о новом этапе построения исторической, политической, экономической и социальной структуры. Будучи постмодернистским конструктом, такое объединение создается на основе, уже построенной в современных национальных государствах, расположенных в Европе. Поэтому возможное использование схемы, которая применяется в двух типах идентичности – модерне и постмодерне, может быть полезным для изучения новой европейской идентичности, но не может быть абсолютизированным, поскольку мы говорим о двух разных контекстах и феноменах.

Вторым замечанием, которое должно быть сделано до проведения сравнительного анализа, является то, что рассматриваемые Смитом модели коллективной идентичности – это два теоретически идеальных типа, который не могут быть в целом представлены в эмпирическом виде конкретной идентичности, в частности европейской. Кроме того, европейская идентичность как отражение принадлежности к союзу гетерогенного характера не соответствует полностью ни одной из двух моделей, но при этом она преимущественно демонстрирует элементы гражданской идентичности, что и будет обосновано.

Гражданская модель нации – преимущественно территориальная – нация должна иметь компактную и четко определенную территорию (народ и принадлежащая ему территория), а государство становится хранилищем исторической памяти и ассоциаций – пейзаж превращается в священный, таким образом, нация обеспечивает своих членов «моральной географией» [4]. Западная модель включает в себя концепцию отечества, которая может проявляться через строго централизованные и единые институты и законы (послереволюционная Франция) или через федеральные институты и законы, направленные сохранить местную идентичность, и выражать общую волю и политические чувства (Соединенные Штаты Америки, Республика Соединенных Провинций Нидерландов). Понятие «отечество» включает в себя также и ряд других элементов, которые можно найти и на уровне ЕС, – общий правовой кодекс, который стоит выше местных законов и перед которым все члены сообщества равны, общие ценности и традиции, разделяемые населением или по крайней мере его ядром, или, по словам Смита, нации необходимо иметь «определенный объем общей культуры и гражданской идеологии, сеть общих верований и желаний, чувств и представлений, которые связывают население с его отечеством» [4].

Важно отметить, что в отличие от этнической модели нации гражданская модель не рассматривает ценности как существующие априори и

отражающие субстанциональную связь между членами и обществом. В гражданской модели нации ценности являются предметом договоренности и дальнейшей социализации через образование и массовую культуру.

В ЕС наблюдаются аналогичные гражданской модели схема и договорной характер в процессе определения европейских ценностей. Демонстрация последнего – это спор о включении исторических христианских корней Европы в преамбулу проекта европейской Конституции. По существу эта дискуссия пересматривает наследие христианских европейских ценностей, а новые маркеры таковы, что коррелируют адекватнее светский и мультикультурный характер ЕС. Более общая формулировка, согласно которой Европейский союз имеет полное знание о «своем культурном и моральном наследии», есть договоренность как необходимый компромисс, отвечающий более адекватно нынешним целям объединенной плюралистической Европы, в которой более тесная привязка к религиозной конфессии может породить конфликт между религиозной (или светской) идентичностью некоторых граждан сообщества и их новой европейской идентичностью.

Для сторонников теории этнической модели нации, примордиалистов, нация (и этническая соответственно) существует в природе вне времени. Когда речь идет о «биографии» наций, Андерсон утверждает, что принцип формирования сознания через повествование применяется как по отношению отдельных лиц, так и современных наций [3]. Согласно его представлению об идентичности, персональность возникает в результате отчуждения, от амнезии, возникшей в результате глубоких изменений сознания. Так, рассказы происходят от забывчивости – то, что не может быть запомнено, должно быть рассказано. Рассказ – это то, что компенсирует эту забывчивость («да, я и этот младенец – одно и то же»), потому что так показывают «свидетельства о рождении, дневники, письма, больничные листы» [3], рассказы родителей, близких и т.д.). Разница между воспроизводящейся целостностью и непрерывной идентичностью для отдельного человека и для нации в том, что для первого определен временной интервал повествования, в то время как для второго невозможно указать даты рождения и смерти.

Этническое понимание нации характеризуется фиксированностью культурных моделей. Если гражданский тип идентичности разворачивает отношения «человек – нация» как выбор, то этнический её интерпретирует как принадлежность и органическую, биологическую обусловленность. В этом смысле могли бы быть получены два типа концептуализации национальной идентичности (и в более глобальном плане, и коллективной идентичности вообще). Согласно первому (ссы-

лающемуся на гражданскую идентичность), она может рассматриваться как *социально сконструированная* и предполагающая идентификацию с политической общностью и принадлежащими ей институтами и порядком (такая политическая общность может быть государством или ЕС). Согласно второму (касающемуся этнической идентичности), она воспринимается как *природная* и происходящая из общей истории, культуры и исконной принадлежности, идентифицирующей к данной группе, которая их связывает эмоционально.

На основе обеих концепций о нациях и национальной идентичности, которые были прослежены выше, можно сделать вывод, что сходство между конструирующей в рамках ЕС коллективной идентичностью и схемой, по которой создается национальная идентичность, может быть прослежено в гражданской модели, которая предполагает, что нации и культурные идентичности, которые следуют из них, имеют свои начало и конец.

В заключение можно резюмировать, что изучение национальной идентичности началось при понимании, что она будет рассматриваться как наиболее фундаментальная и всеобъемлющая. Ввод её в контекст формирующейся европейской идентичности, однако, вызывает ряд вопросов, в первую очередь возможно ли европейской идентичности как более глобальной альтернативе взять её функции? Анализ такого поляризованного отношения между двумя типами культурной идентичности является скорее превентивной мерой, чем реалистичным опасением. Это подтверждается тем фактом, что ЕС не приобретает статуса сверхдержавы, чтобы оспаривать суверенитет национальных государств, не быть супернацией, при которой была бы выявлена опасность потери национальной идентичности европейцев.

Кроме того, как утверждал Смит, европейский *политический* национализм ограничивается только до отдельных *сегментов* политической, экономической и культурной элиты в каждой европейской нации, и как таковой он по-прежнему не имеет глубокой народной базы. Последнее подтверждает вышеупомянутый вывод, что если вы ищите параллели между европейской и национальной идентичностью, то они должны рассматриваться в плане гражданской, а не этнической национальной идентичности. С точки зрения идей Айзенштадта, впоследствии далее развитых его последователем Гийзенем, это может быть истолковано как увеличивающаяся фундаментальность национальной идентичности над примордиальными кодами – расой, территорией, языком в отличие от построенных на кодах гражданской европейской идентичности [5].

Современный промышленный мир отдаляется от понятия этнически чистого общества и культурной однородности, а демократические идеалы и практики ЕС содействуют развитию людей как личностей, поэтому по крайней мере потенциально сочетает широкий спектр мнений, верований и стилей жизни. Политика ЕС о разнообразии в жизни делает возможным мирное сосуществование представителей различных этнических групп в социальной сфере межличностного взаимодействия, а рассмотренная на уровне идентичности допускает гармоничное существование различных идентичностей в рамках общества и отдельных личностей. Поэтому ЕС не имеет претензий к созданию нового этноса, а европейское гражданство основано на правовом статусе индивидуумов, которые являются гражданами ЕС. Это частично объясняет дополнение, а не соперничество позиций, что европейская идентичность играет против национальных – взаимодействие развивается на уровне гражданства, а не этноса. Делается акцент на гражданском, а не этническом аспекте коллективной идентичности европейцев.

В этой связи Перри, член исполнительного комитета федерального союза, представляет тезис, что европейское видение направлено не на создание новой, покрывающей континент нации, а только на прецедент политической и социальной структуры: многоуровневой, многонациональной, мультирегиональной и многокультурной демократии, организованной на принципах взаимного уважения между различными народами и культурами, которые её составляют. Эти идеи соответствуют выдвинутому Халлом тезису о постмодернистском субъекте как «децентру», обладающему несколькими разрозненными идентичностями, которые постоянно перетрансформируются в зависимости от способов, по которым были представлены или рассмотрены окружающие его культурные системы [1].

Другой круг вопросов, которые выделяется, обращает свое внимание на то, является ли этот новый вид идентичности европейской идентичностью или повторяет структуру создания и удержания национальной идентичности, но уже в другом социально-экономическом, культурном и историческом контексте – не в модернистской, а постмодернистской ситуации. Одно из основных различий между ними заключается в том, что национальная идентичность скорее следует схеме «едины в сходстве» с акцентом на присущих ей языке, религии, истории, мифах и т.д., а европейская идентичность – «единство в многообразии» с акцентом на роли других при конструировании общей идентичности.

На основе сравнительного анализа можно сделать вывод, что процессы создания национальной и европейской идентичности не пересе-

каются, с одной стороны, из-за различий в содержании и моделях конструирования (учитываются различия в таких структурообразующих факторах, как общий язык, история, культура, чувства и т.д.). С другой стороны, различен контекст (социально-культурный и экономический), в котором они обе реализуются – первая в рамках модернистского видения объединения, а вторая – во фрагментированной мультикультурной постмодернистской ситуации, также создает трудности для сравнения этих двух феноменов.

В то же время в исследовании было аргументировано, что наблюдается определенное сходство между моделями конструирования национальной идентичности *гражданского* типа и процессом формирования европейской наднациональной идентичности. Ключевым сходством в понимании обеих коллективных идентичностей является исходное предположение, что обе социально устроены и не имеют дополнительного характера. Хотя и есть попытки дискурсивно оформить европейскую идентичность по модели *этнического конструирования* коллективной идентичности – посредством поиска корней «европейского духа», таким способом мистифицируются её основания в далеком прошлом, и придается ей характер необходимости. Подобные проекции являются скорее исключением, чем общей тенденцией.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 333 с.
2. *Смит Э.* Национальная идентичность. М., 1994.
3. *Хабермас Ю.* Постнациональная констелляция и будущее демократии (1998) // *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005. 151 с.
4. *Haas E.B.* The Uniting of Europe. Stanford, 1958.
5. *Hall S.* Minimal selves // The real me. VSA Document 6. L., 1987.
6. *Hobsbawm E., Gellner E.* Nations and nationalism since 1780. Cambridge, 1990.

References

1. *Anderson B.* Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma. M., 2001. 333 p.
2. *Smit E.* Natsionalnaya identichnost. M., 1994.
3. *Khabermas Yu.* Postnatsionalnaya konstellyatsiya i budushchee demokratii (1998) // *Khabermas Yu.* Politicheskije raboty. M., 2005. 151 p.
4. *Haas E.B.* The Uniting of Europe. Stanford, 1958.
5. *Hall S.* Minimal selves // The real me. VSA Document 6. L., 1987.
6. *Hobsbawm E., Gellner E.* Nations and nationalism since 1780. Cambridge, 1990.